

культура Волюбилиса демонстрирует давно, уже отмеченный в общих чертах параллелизм с культурой древней Италии и, в частности, с культурой Альмерии, на другом берегу Гибралтара. Среди инвентарей марокканских и испанских стоянок одинаково отсутствуют кремневые наконечники стрел и имеется керамика, представленная сосудами с длинным яйцеобразным туловом (RArg, t. III, 1934, стр. 109).

А б а л е с с а (Hoggar). В 1933 г. было раскопано погребальное сооружение над могилой царя Тин-Гинана, современными туарегами почитаемого в качестве предка. Раскопанный объект не является погребальным сооружением в узком смысле слова. Это kasbah (святилище), укрепленная и поставленная под охрану не только почитателей культа, но также и специального отряда лучников, железные наконечники стрел которых были найдены при раскопках. Рядом с могилой располагались жилые помещения охраны. Инвентарь погребения был средиземноморского, по времени, позднеримского происхождения. Два предмета: индикация монеты Константина и светильник III в. н. э. позволяют отнести погребение к началу IV в. н. э. Этапный пункт на дороге в черную Африку, Kasbah Абалессы, расположенная на караванном пути, у гористой границы областей Федзана и Чада, хранит воспоминание о торговых сношениях Средиземноморья с Нигерией. Когда после падения Карфагена навигация вдоль западного побережья Африки прекратилась, сухопутные дороги продолжали функционировать для торговых сношений Северной Африки с Нигерией и Суданом (RArg, t. IV, 1934, стр. 191).

Л. Ельницкий

Важнейшие открытия советской археологии в 1938 г.

Советская археология обогатилась в текущем году рядом крупных открытий.

Эти открытия ни в коей мере не являются случайностью, а подготовлены всей политикой партии и правительства, поставивших перед исторической наукой ряд важнейших конкретных задач, и тем огромным интересом, который проявляют трудящиеся Союза ССР к историческому прошлому своей родины.

Ввиду того, что в краткой заметке невозможно дать характеристику всех археологических работ, производившихся на обширной территории нашей страны, мы ограничимся изложением результатов лишь нескольких, наиболее важных по своим результатам исследований.

Важнейшим открытием истекшего года является находка на территории Узбекистана, в самом сердце Средней Азии, древнепалеолитической стоянки и остатков неандертальского человека.

Находка была сделана экспедицией Узбекского комитета охраны памятников старины и искусства (Узкомстарис) под руководством сотрудника Института истории материальной культуры Академии наук СССР А. П. Окладникова.

Исследованная стоянка находится в небольшом гроте Тешик-Таш в долине реки Турган-Дарья, у кишлака Мачай Байсунского района Узбекской ССР. В культурном слое поселения было собрано около 150 каменных орудий, сопровождавшихся раздробленными костями животных—по преимуществу, горного козла.

В том же культурном слое оказался погребенным скелет ребенка около 8 лет. Скелет, реставрация и обработка которого производятся в настоящее время в Институте антропологии Московского университета, оказался принадлежащим молодому неандертальцу. Собранные А. П. Окладниковым орудия относятся к мустьерской эпохе нижнего палеолита, не отличаясь почти ничем от орудий этой же эпохи Восточной и Западной Европы. Реставрированный череп, несмотря на молодой возраст субъекта, обладает всеми типичными признаками неандертальца. Напомним, что до 1938 г.

на всей территории Средней Азии и почти на всей территории азиатского материка не было известно ни стоянок мустьерской эпохи, ни находок скелетных остатков неандертальцев. Орудия нижнего палеолита были известны лишь в Южной Азии (в Индии и на о. Цейлоне), и, кроме того, древнейшие орудия были встречены вместе с костями синантропа близ Бейпина, в Китае.

В Средней Азии не было не только находок палеолита, но подвергалась сомнению и самая возможность заселения ее человеком этого времени.

Нахождение в Средней Азии неандертальца вместе с мустьерскими орудиями, кроме расширения наших знаний о древнейшей истории нашей родины, имеет еще и большое общетеоретическое значение, так как это выбивает один из важных аргументов у реакционных буржуазных ученых, противников происхождения человека современного типа от более примитивного предка—неандертальца. Возможность выведения человека современного типа, минуя неандертальскую стадию, путем миграции его мифического предка из Азии, находкой в Ташик-Таше закрывается, так как Азиатский материк в эпоху нижнего палеолита оказывается также заселенным неандертальцами.

Находка типичных мустьерских орудий в Средней Азии указывает на единство развития материальной культуры на древнейших этапах человеческого общества.

Большое значение для изучения ранней стадии первобытной культуры имеют находки палеолитических стоянок в Приуралье. Наибольший интерес представляет открывая экспедицией ИИМК под руководством М. В. Талицкого позднепалеолитическая стоянка у д. Остров Пермского района, на реке Чусовой, близ впадения ее в Каму, недалеко от Перми.

Культурный слой стоянки залегает в основании отложений береговой террасы, на глубине 11,5 м от современной поверхности. Собранный материал состоит из небольшого количества каменных осколков и пластин, двух орудий—скребков и одного куска ребра мамонта, покрытого орнаментом.

Находки эти сопровождалась костями носорога, мамонта, северного оленя и других животных ледникового времени.

Нахождение стоянки под Пермью представляет очень большой интерес, так как она является самой северной стоянкой Европы. Кроме того, она находится в центре огромной территории, на которой до сих пор не было известно ни одной палеолитической стоянки, да и самая возможность нахождения их здесь подвергалась сомнению. Стоянки в европейской части Союза были до сих пор неизвестны восточнее рек Дона и Оки, а самая западная стоянка Сибири расположена у Томска. Таким образом, Островская стоянка дает возможность ожидать заполнения этого белого пятна при дальнейших исследованиях. Основания для этого убеждения дает и нахождение в этом же году С. Н. Бибиковым в пещерах Ключевой и Бурановской на реке Ерюзань, близ поселка Усть-Катав, в Челябинской области, остатков позднепалеолитических стоянок.

Находки здесь пока очень незначительны и состоят всего из нескольких осколков камня, отколотых, несомненно, рукой человека, и разбитых костей животных ледникового периода.

Кроме остатков палеолита, Бибиковым в Бурановской пещере было открыто погребение, датированное концом неолита или началом эпохи бронзы.

При погребении было встречено большое количество украшений из просверленных пластинок змеевика—офита. Череп покоился в ямке, засыпанной красной краской, а на стенке пещеры, над погребением, красной краской было нанесено стилизованное изображение лося и геометрической фигуры вроде гарпуна.

Весь этот комплекс представляет большой интерес, так как дает любопытные сочетания погребения со скальными изображениями—случай, не встречавшийся до сих пор нигде.

Изучение стиля изображения позволит, возможно, подойти к датировке скальных изображений, известных в большом количестве на Урале.

Несомненно, крупное значение имеет открытие скальных рисунков на юге Украины, близ Мелитополя. Исследование этих изображений, частично обнаруженных еще в 1936 г., производилось Азово-черноморской экспедицией Института археологии Академии наук УССР под руководством О. Н. Бадера. Рисунки расположены на скалистом холме «Каменная могила», в пойме реки Молочной близ с. Терпение Мелитопольского района, Днепропетровской области.

Памятник представляет собой высокий песчаный холм, покрытый разломавшимися массивными глыбами песчаника. Изображения в количестве нескольких сотен обнаружены в 43 пунктах холма. Они представляют собой рисунки, процарапанные на твердой поверхности песчаника.

Часть их имеет реалистический характер и состоит из изображений животных—быков, лошадей, хищников и одного мамонта.

Эта группа, нанесенная прочерчиванием контура и окрашенная красной краской, является, по мнению исследователя, древнейшей и может быть датирована концом верхнего палеолита.

К этому же комплексу принадлежит ряд геометризованных изображений, обнаруженных в одном из навесов—«гроте мамонта». Эти рисунки связывают древнейшую группу с более поздней, в которой схематические изображения представлены наиболее богато.

Изображения второй группы, обнаруженные в ряде пунктов, могут быть датированы эпохой мезолита и, частью, неолита.

К наиболее позднему комплексу относятся многочисленные рисунки, также линейно-геометрического стиля, но среди них имеется и значительное количество реалистических изображений лошадей, выполненных иной техникой, чем рисунки древнейшей стадии. Среди геометризованных рисунков позднего комплекса нередко символические изображения солнечных знаков в виде кругов с перекрестием. Эта группа относится, по видимому, уже к эпохе бронзы.

У подножья холма обнаружен ряд поселений—стоянок разного времени, из которых три относятся к эпохе бронзы и одна—к позднему мезолиту.

На последней стоянке найдено большое количество мелких кремневых орудий—микролитов, сопровождаемых обломками древнейшей глиняной посуды, имеющей сходство с посудой датских кухонных куч—«кьеккенмедингов». Среди орудий особенно ценной является находка костяных стержней со вставленными в них кремневыми пластинками—вкладышами, что позволяет определить назначение микролитов.

Значение мелитопольских петроглифов очень велико, так как позволяет подойти к изучению идеологии ряда этапов первобытного общества на нашей территории.

До сих пор скальные изображения палеолитического и мезолитического времени в Европе были известны лишь на Западе—в основном, на территории Испании и Франции. На территории СССР до сих пор их не было известно вовсе.

Неолитические изображения в СССР известны были лишь на Севере—в Карелии¹, а вне СССР—в Скандинавии, Альпах и Пиренеях.

Для изучения древней истории—античного периода, ряд важнейших данных был добыт Хорезмской экспедицией Института истории материальной культуры и Узком-стариса, работавшей под руководством С. П. Толстова:

Работы велись в песках Кызыл-Кумов, на правом берегу нижнего течения Аму-Дарьи.

¹ В. Н. Радоликас—Наскальные изображения Онежского озера, «Труды Института этнографии АН СССР», т. IX, 1936 и Изображения Белого моря, т. X, Л., 1938.; А. Я. Брюсов, ВДИ № I, 1937.

Здесь, за пределами современной культурной полосы, был исследован целый обширный район с остатками поселений, начиная от эпохи бронзы и до XIV в. н. э.

Древнейшими поселениями являются стоянки бронзовой эпохи, расположенные в глубине пустыни. Среди собранного материала имеются орудия и много обломков глиняной посуды, имеющей сходство с посудой Андроновской культуры Сибири и Казахстана.

Наибольший интерес представляют памятники первых веков нашей эры, в которых сильно выражены эллинистические элементы. К этому времени относятся остатки девяти укрепленных поселений, из которых три являются развалинами довольно крупных городов. Прекрасная сохранность сооружений и бытового инвентаря дает возможность изучить планировку поселений и отдельных жилищ, жилую архитектуру (стены некоторых построек сохранились до высоты 3 и выше метров) и целый ряд бытовых деталей.

Среди многочисленных находок можно отметить свыше 100 терракотовых статуэток животных и человека, дающих представление о своеобразной художественной культуре древнего Хорезма, множество монет—кушанских и древнехорезмийских, прекрасную посуду и множество других бытовых предметов.

Среди памятников более позднего, сасанидского, времени большой интерес представляют развалины замка Тешик-Кала, открытого в 1937 г. А. И. Тереножкиным. Остатки этого замка любопытны, между прочим, и тем, что в нем более древняя постройка оказалась включенной в позднейшую тоже сасанидского времени, которая сыграла роль своего рода чехла. Раскопки позволили изучить планировку обеих построек и дали богатейший материал, среди которого можно отметить прекрасный фриз, украшенный резным орнаментом по сырой глине, изображение четверорукого божества, всадника, часть ковра с богатым орнаментом, статуэтку носорога и ряд других предметов.

К сасанидскому же времени относится около 150 монет хорезмийского чекана, печать с пехлевийской надписью (найденная на развалинах городища Кырк-Кыз), богатый набор глиняной посуды и огромное количество других бытовых предметов.

Указанные работы позволяют осветить один из самых темных периодов истории Средней Азии и являются серьезным вкладом в дело построения истории народов СССР.

Большой интерес для исторической науки представляет изучение феодальных поселений, развернувшееся за последние годы. В текущем году обширные раскопки производились на двух важнейших памятниках—древнем Киеве и Новгороде. Ввиду того, что точных сведений о киевских работах мы еще не имеем, придется ограничиться изложением результатов раскопок в Новгороде.

Здесь систематические работы под руководством проф. Арциховского ведутся начиная с 1932 г. В течение 1932—1937 гг. раскопки производились на так называемом Славенском холме и дали ряд важных материалов. Ввиду того, что результаты этих работ уже частично освещались в печати, мы ограничимся сообщением результатов работ текущего года.

В 1938 г. раскопки производились на важнейшем участке Древнего Новгорода, на так называемом Ярославском Дворище—площади, на которой собиралось новгородское вече.

Нет надобности доказывать необходимость постановки раскопок на этом важнейшем центре общественной жизни древнего феодального Новгорода. И действительно, результаты первого же года исследований превзошли всякие ожидания. Общая мощность культурных наслоений достигала на различных участках от 3 до 5 м. Нижние, древнейшие слои относятся ко времени X в., а выше шли последовательные слои XII, XIV, XV вв. и позже.

Таким образом, в раскопе оказалась отраженной вся история Новгорода, начиная с X в.

Великолепная сохранность материала, и особенно дерева, дала возможность изучить ряд сооружений, неизвестных до сих пор археологии русского феодального периода.

В слоях X—XII вв. обнаружены остатки хорошо сохранившегося водопровода из деревянных труб, деревянный сруб высотой до 3 м., деревянные мостовые и ряд других строительных элементов древнего города.

Исключительная сохранность органических остатков позволила собрать огромное количество предметов, обычно не представленных в археологических коллекциях, — большое количество деревянных резных бытовых изделий, иногда украшенных богатым орнаментом и скульптурой, плетеных корзин, предметов из бересты, остатков кожаной обуви, костяных коньков, игрушек и т. д.

Все это дает возможность представить бытовую сторону древнего Новгорода с исключительной полнотой.

В слоях более поздних вскрыта часть торговой площади с остатками торговых помещений и большим количеством предметов. Среди них было много остатков кожаной обуви, как простой, так и богато украшенной вышивкой. Тут же встречены кожаные ножи с тисненым узором и свинцовая торговая пломба.

Приведенный выше очень краткий материал показывает, что советская археология достигла больших успехов в изучении самых различных периодов истории нашей страны и собираемый ею материал является одним из основных источников для построения истории народов СССР, что является главной задачей ближайшего времени.

Необходимо пожелать, чтобы ценнейший полевой материал был в ближайшее время опубликован и тем самым доведен до советского читателя.

М. Воеводский

Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г.

Эпоха гуннского преобладания, как теперь выясняется, явилась наиболее ярким выражением того культурного развития, которое было достигнуто к концу I тысячелетия до н. э. населением Центральной Азии и соседними странами, а в том числе и племенами Саяно-Алтая. Роскошные погребения племенных вождей, исследованные на Алтае (курганы типа Пазырык), первыми подтвердили это. Однако за последнее время аналогичные памятники были обнаружены и в Хакассии. Это прежде всего обширные усыпальницы, исследованные впервые в 1936 г. на могильном поле Чаа-Таса, около ст. Уйбат, Ачинско-Минусинской железнодорожной ветки. Кратко сообщая о первых находках в № I «Вестника древней истории», мы уже отметили важность встреченных тогда древних скульптур, впервые указавших на культурную близость населения Минусинской котловины в Таштыкскую эпоху (около начала нашей эры) к племенам Алтая и Монголии. При обработке собранного материала стало очевидным выдающееся значение Уйбатского Чаа-Таса. Памятники Чаа-Таса были предметом исследования Саяно-Алтайской экспедиции в 1938 г.

Прежде всего были исследованы два земляных кургана, особенности строения и форма насыпей которых не позволяли видеть в них памятники Тагарского времени, аналогичные кургану Клеменца. Это подтвердилось. Они оказались таштыкскими. Особенно важные результаты были получены исследованием первого из них, расположенного рядом с клеменцовским. Его большая камера, как у алтайских и гуннских курганов, оказалась двойной. Внешнее сооружение состояло из вертикальных столбиков, плотным рядом поставленных по стенкам могильной ямы. Внутри стоял обширный сруб из толстых бревен. Между его стенками и внешним рядом столбиков образовался коридор около 1 м шириной. Широкий наклонный вход соединял это сложное сооружение с внешним миром. Некогда его загораживала огромная плита, теперь упавшая.